

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1596

С. Г. Ушкин, Е. А. Коваль, Н. В. Жадунова

ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ К ПРАКТИЧЕСКИМ УБЕЖДЕНИЯМ: КАК ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗУЮТСЯ В ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ МОЛОДЕЖИ

Правильная ссылка на статью:

Ушкин С. Г., Коваль Е. А., Жадунова Н. В. От теоретических конструкций к практическим убеждениям: как этические принципы реализуются в жизненных стратегиях молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 66—93. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1596>.

For citation:

Ushkin S. G., Koval E. A., Zhadunova N. V. (2020) From Theoretical Design to Practical Viewpoints: Implementation of Ethical Principles in Youth Life Strategies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 66—93. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1596>.

ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ К ПРАКТИЧЕСКИМ УБЕЖДЕНИЯМ: КАК ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РЕАЛИ- ЗУЮТСЯ В ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ МОЛОДЕЖИ

*УШКИН Сергей Геннадьевич — канди-
дат социологических наук, ведущий
научный сотрудник отдела мониторинга
социальных процессов, Научный центр
социально-экономического монито-
ринга, Саранск, Россия*
E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4317-6615>

*КОВАЛЬ Екатерина Александровна —
доктор философских наук, главный
научный сотрудник отдела научных ис-
следований, Средне-Волжский инсти-
тут (филиал) Всероссийского государ-
ственного университета юстиции (РПА
Минюста России), Саранск, Россия*
E-MAIL: nwifesc@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

*ЖАДУНОВА Наталья Владимировна —
кандидат философских наук, декан
факультета дополнительного образо-
вания, Национальный исследователь-
ский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева, Саранск,
Россия*
E-MAIL: zhadunovan@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>

Аннотация. Статья посвящена изуче-
нию того, как моральные убеждения,
подробно рассматриваемые в различ-
ных этико-философских учениях, ре-
ализуются в повседневном поведении
людей. На теоретическом уровне были
выделены четыре жизненные страте-
гии, ориентированные на различные
базовые ценности — деонтологиче-

FROM THEORETICAL DESIGN TO PRA- CTICAL VIEWPOINTS: IMPLEMENTATION OF ETHICAL PRINCIPLES IN YOUTH LIFE STRATEGIES

*Sergey G. USHKIN¹ — Cand. Sci. (Soc.),
Leading Researcher*
E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4317-6615>

*Ekaterina A. KOVAL² — Dr. Sci. (Phil.),
Principal Researcher*
E-MAIL: nwifesc@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

*Natalia V. ZHADUNOVA³ — Cand. Sci.
(Phil.), Dean of the Faculty of Additional
Education*
E-MAIL: zhadunovan@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>

¹ Scientific Center for Social and Economic Monitoring, Saransk, Russia

² Mid-Volga Branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia

³ Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Abstract. The article is focused on how moral views highlighted by various ethical and philosophical studies are implemented in everyday human behavior. Theoretically, the authors single out four life strategies oriented towards various key values (deontological, consequentialist, contractarian and existentialist strategies).

ская, консеквенциалистская, контрактарионистская и экзистенциалистская.

Проверка теоретических построений осуществлена посредством онлайн-анкетирования обучающихся четырех высших учебных заведений Республики Мордовия, которые репрезентуют все мордовское студенчество в целом. Первоначально в обследовании приняли участие 1642 человека, результатами признаны 767 анкет. Инструментарий содержал различные наборы бинарных переменных, выбор которых относил респондентов к соответствующей теоретической конструкции через призму восприятия ценностей патриотизма, семьи, волонтерства, высшего образования и т. д.

На основании факторного анализа выделены четыре доминантные поведенческие модели, реализуемые на практике — деонтологическая, эгоцентрическая, контрактарионистская и консеквенциалистская. В целом они соотносятся с рассматриваемыми ранее на теоретическом уровне этико-философскими учениями. Исключение — эгоцентрическая стратегия, представляющая собой результат трансформации и специфического выбора отдельных бинарных переменных, относящихся к экзистенциальной стратегии. Для людей, которых она объединяет, принципиальную важность имеет не стремление к саморазвитию и самосовершенствованию, а собственное мнение, не склонное к изменениям.

Несмотря на выделенные поведенческие модели, которые авторы предлагают в дальнейшем рассматривать как «идеальные типы», констатируется, что большинство респондентов система-

The theory was verified through an online survey among students from four higher education institutions in the Republic of Mordovia representing the entire Mordovian student body. Initially a total of 1,642 persons took part in the survey; 767 questionnaires were recognized as effective. Tools involved sets with binary variables which ascribed respondents to the corresponding theoretical structure according to their perceptions of values such as patriotism, family, volunteering, higher education, etc.

Four dominant behavior patterns were drawn from factor analysis: deontological, self-centered, contractarian and consequentialist patterns. On the whole, they correlate to the above-mentioned ethical and philosophical theories. An exclusion is self-centered strategy representing the result of transformation and specific choice of separate binary variables related to existential strategy. People sharing this strategy do not strive for personal growth and self-development and give priority to their personal opinion which is not subject to changes.

Despite the obtained behavior models that authors propose to further consider as “ideal types”, they state that a majority of respondents either do not adhere to any model on a constant basis or stick to a certain model contextually. This is a sign of atomization in a modern post-traditional society where clip thinking and fragmented assimilation of normative codes are still strong. Deontological strategy is the most common, and this is implicitly confirmed by cross-check data pointing to an increase in youth social responsibility, higher levels of volunteering and collective activities, ecoactivism, etc.

тически не придерживается ни одной из них или же реализует их ситуативно. Подобное положение вещей говорит о высоком уровне атомизации современного посттрадиционного общества, в котором сильны тенденции клиповизации сознания и фрагментарного усвоения этико-нормативных кодов. Наиболее распространенной установкой является деонтологическая — и косвенно это подтверждается перекрестными данными, свидетельствующими о росте социальной ответственности молодежи, повышении вовлеченности в практики волонтерства и коллективного действия, экоактивизма и т. д.

Ключевые слова: стратегия, деонтология, консеквенциализм, контрактарионизм, экзистенциализм

Keywords: strategy, deontology, consequentialism, contractarianism, existentialism

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 18-011-00710).

Acknowledgments. The study is supported by RFBR (project No. 18-011-00710).

Введение

Молодежь играет значимую роль в системе социального воспроизводства [Полутин, 2000]. Ее взросление сопряжено не только с включением в социокультурный контекст общества, но и с формированием собственных социокультурных образцов и практик взаимодействия, отличных от других социально-демографических групп [Зубок, Чупров, 2019: 165]. При этом условия, в которых происходит непосредственно процесс взросления, во многом определяют характер того или иного поколения [Радаев, 2019: 37].

Тем не менее существуют некоторые «общие места», которые практически не меняются под воздействием внешних факторов и объединяют людей разного возраста и происхождения. К ним многие исследователи причисляют обряды, традиции, религиозные и правовые нормы, закрепляющие ожидания общества от индивида (см., например, [Дюркгейм, 2018: 156]). По нашему мнению, еще одним подобным «общим местом» могут выступать этико-нормативные универсалии, которые в сочетании с внешними условиями жизни воплощаются в различных социальных действиях, а также позволяют определенным образом характеризовать особенности целеполагания и смысложизненные ориентации. Безусловно, современное молодежное пространство отличается значительной маргинали-

зацией и периферизацией субкультурных групп [Омельченко, 2019: 23], однако его производные чаще всего не противоречат доминирующим нормам морали. Результаты ряда исследований ФНИСЦ РАН свидетельствуют, что практически неизменно в пятерке основных жизненных ценностей молодых людей находятся создание семьи, получение качественного образования, обретение интересной, пусть даже не всегда высокооплачиваемой работы, а также дружба, товарищество и стремление увидеть и познать окружающий мир [Горшков, 2019: 22].

В рамках настоящей статьи мы попытаемся выяснить, каким образом в повседневном поведении молодежи реализуются ее моральные убеждения, которые подробно рассматриваются в основополагающих этических учениях. Первая часть статьи посвящена структурированию и интерпретации различных моральных теорий; вторая — социологическому изучению существующих в представлениях студентов моральных ориентиров и их влиянию на жизненные стратегии; третья — соотношению выделенных теоретических и эмпирических конструкторов.

Обзор литературы и дефиниция основных понятий

Понимание жизненных стратегий в современном социально-гуманитарном дискурсе не обладает высоким уровнем концептуализации и методологической универсальности. Чаще всего они рассматриваются через призму смежных теоретических понятий (например, ценностей, ориентаций, перспектив, сценариев, планов и др.) (см.: [Легостаева, 2013: 93; Шарова, Недосека, 2014: 803]). Выделяются жизненные стратегии как с краткосрочным, так и с долгосрочным горизонтом планирования. Их реализация может происходить как путем приспособления к среде, так и путем ее преобразования [Щедровицкий, 1995: 411].

В широком смысле в рамках настоящего исследования под жизненными стратегиями нами понимается совокупность представлений о возможных вариантах поэтапного достижения смысловых жизненных целей. В более узком смысле, по нашему мнению, их архитектоника базируется на двух взаимозависимых уровнях — моральных убеждений (внутренний уровень) и социальных практик (внешний уровень). Первый характеризуется относительной устойчивостью, второй подвержен ситуативным влияниям. Отсюда следует, что жизненные стратегии трансформируются, с одной стороны, под влиянием моральных убеждений, а с другой — под влиянием социальных практик, являясь своего рода компромиссом между ними.

Моральные убеждения представляют собой социально воображаемую совокупность представлений о нормальном, правильном, хорошем и служат ориентирами при реализации тех или иных социальных практик. Как правило, они тесно связаны с такими моральными ценностями, как долг, благо, добродетель, доверие и др., и подробно рассматриваются в ключевых этических теориях. Последние конструируются вокруг определенного ценностного ядра, где выделяется доминирующая ценность и связанные с ней производные, которые складываются в стройную систему представлений о себе, о Другом и Других, о способах и причинах принятия решений в неоднозначных ситуациях совершения поступков.

Социальные практики, в свою очередь, можно рассматривать как «любую последовательную и сложную форму социально учрежденной кооперативной человеческой деятельности, через которую блага, внутренне по отношению к этой

форме деятельности, реализуются в ходе попыток применения тех стандартов превосходств, которые подходят для этой формы деятельности и частично определяют ее с тем результатом, что систематически расширяются человеческие силы в достижении превосходства, а также соответствующие концепции целей и благ» [Макинтайр, 2000: 256]. Подчеркнем, что они включают в себя определенные паттерны, формирующиеся на протяжении длительного времени, благодаря чему каждая социальная практика имеет свою историю. При этом субъект их реализации должен признавать авторитет этих паттернов и подчинять им свои установки и предпочтения, то есть конструировать соответствующие им моральные убеждения или дополнять уже существующие.

Бурный этап становления и совершенствования жизненных стратегий приходится на период взросления и тесно связан с процессами социализации. Как подчеркивают российские исследователи, жизненные цели и средства их достижения такой социально-демографической группы, как молодежь, являются важным фактором ее социальной активности и в то же время — индикатором фундаментальных перемен, происходящих в российском обществе [Магун, 1996: 29]. Наличие жизненной стратегии свидетельствует о сознательном и серьезном отношении к своей жизни, стремлении и способности упорядочить ее.

Реализации жизненных стратегий препятствует то, что современная молодежь развивается в ситуации риска, ценностно-нормативной неопределенности, а также неопределенности самореализации и идентичности [Зубок, 2003]. В этой связи особый интерес вызывает поиск в ценностно-нормативном хаосе точек опоры, на основании которых возможно прогнозирование поведения субъекта как в типовых ситуациях, так и в случаях ценностно-нормативного вакуума.

Подобные точки опоры мы видим в обращении к этико-философским концепциям и проверке в ходе социологического анализа соответствующих им социальных практик. По нашему мнению, такой подход позволяет уйти от присущего этим двум наукам противостояния между общими и частными законами функционирования общества. Выполненный синтез теоретических учений, строящихся на основании доминирующих ценностей, которые проявляются на уровне как убеждений, так и социальных практик, позволил выделить деонтологическую, консеквенциалистскую, контрактарианистскую и экзистенциалистскую жизненные стратегии¹.

Деонтологические этические теории основываются на том, что моральный субъект совершает поступок исходя из норм морали, которыми надлежит руководство-

¹ Выделенные нами модели методологически и дискурсивно созвучны социальным мирам (градам), представленным в прагматической социологии Л. Болтански и Л. Тевено (например, деонтологическая стратегия близка к «патриархальному» миру, консеквенциалистская — к «индустриальному», контрактарианистская — к «репутационному» с некоторыми элементами «гражданского»; за бортом такого рода сопоставления остаются «вдохновенный» и «рыночный» миры) (см.: Болтански, Тевено, 2013). Однако существует несколько важных различий. Во-первых, в контексте этико-философских учений мы не сосредоточены только на изучении реализации принципов справедливости и соответствующих им метафизических правил в повседневной жизни людей. Во-вторых, построенные модели, как это будет показано далее, выбраны на основании возможности их эвристической проверки (что представляется крайне затруднительным в случае мира «вдохновенного») и изначального этического посыла (что пусть отчасти, но противоречит миру «рыночному»). В-третьих, как нам кажется, мы постарались учесть существенно больший пул философских трудов. Релевантность той или иной модели оценивается нами не посредством ситуативного публичного дискурса, а путем проведения стандартной процедуры социологического анкетирования (которая, по сути, также отражает только текущее самоощущение). Тем не менее, как показали полученные результаты, для нас важна идея о множественных режимах вовлеченности, позволяющих выявлять возможные сочетания, переходы и переключения между моделями.

ваться в любой неоднозначной ситуации. Следует поступать исходя из правила: «Делай что должно, и будь что будет». Основной мотив поступка — следование долгу. Вне зависимости от результата поступка некоторые действия запрещены, и никакой прирост блага не может их оправдать с точки зрения морали. Так, Иммануил Кант, являющийся ключевой фигурой в деонтологической этике, в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» обосновывает абсолютный запрет на ложь, даже если это «ложь во благо» [Кант, 1994]. По его мнению, мотивы моральных поступков не должны соизмеряться с их последствиями. При этом долгом человека является не требование «говори правду», а требование «не лги», что в некоторых коммуникативных ситуациях позволяет сохранить молчание.

С одной стороны, деонтологические убеждения привлекают своей стойкостью и категоричностью, но, с другой стороны, верность убеждениям, особенно если они превратно поняты, в некоторых случаях осуществляется «за чужой счет». Например, оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман, занимавшийся организацией уничтожения евреев, оправдывался тем, что просто выполнял свой долг [Арендт, 2008]. Кроме того, деонтологические теории не дают четкого ответа на вопрос, что делать в ситуации конфликта обязанностей (впрочем, И. Кант отрицает саму возможность такого конфликта [Кант, 1965]). Однако «проблемные места» есть у любого семейства этических теорий.

Своеобразной защитой деонтологии от эгоистических отклонений является норма, выраженная в одной из формулировок категорического императива И. Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [там же: 270]. Эта норма обязывает корректировать представления личности о моральном долге, оберегая ее от нерациональных и вредных поступков.

Деонтологическая стратегия основана на том, что личность ставит перед собой цель приблизиться к нравственному идеалу настолько, насколько это возможно. В «Основах метафизики нравственности» формулируется базовый принцип: «Поступок из чувства долга имеет свою моральную ценность не в той цели, которая может быть посредством него достигнута, а в той максиме, согласно которой решено было его совершить, эта ценность зависит от... принципа воления» [там же: 235]. Данный процесс осложняется тем, что понятие нравственного долга — универсально, а моральные интуиции и моральные суждения, которыми руководствуются люди с разными убеждениями и в разных локальных контекстах, разнообразны, как и представления о нравственном идеале (см., например, [Брейкин, 1996]).

В целом деонтологическая стратегия — это стратегия зрелой личности, которая имеет стойкие убеждения, принуждает себя к тому, чтобы им следовать, ищет ответ на нормативный вопрос: «Почему я должен быть моральным?» [Korsgaard, 1996], готова к ответственности за каждый совершенный поступок. Деонтологические убеждения сильны, не зависят от ситуации, сохраняются, как правило, в течение всей жизни, трудно изменяются и трансформируются. Личность, избравшую для себя деонтологическую стратегию, условно можно обозначить как «человек-долг».

В консеквенциалистских этических теориях моральная оценка поступка осуществляется по его результату (например, приросту блага). Камнем преткновения в них является определение «блага», под которым может пониматься счастье,

удовольствие, польза, благополучие и т. п. Не менее важен и ответ на вопрос: «Чье благо имеется в виду?» Если же задаться целью обозначить этические теории на временной шкале, консеквенциализм более, чем все остальные, устремлен в будущее: важны только последствия поступка, вне зависимости от того, чем руководствовался моральный субъект, какие причины и условия способствовали совершению поступка.

Наиболее разработанной и популярной консеквенциалистской этической теорией является утилитаризм, который на современном этапе включает в себя несколько разновидностей, в частности гедонистический утилитаризм, утилитаризм действия (осуществляется моральная оценка отдельных поступков путем оценки их последствий), утилитаризм правила (осуществляется моральная оценка этико-нормативных программ или учений), утилитаризм предпочтений и др.

Классический гедонистический утилитаризм ориентирован на максимизацию удовольствия и минимизацию страданий [Бентам, 1998; Mill, 1979; Sidgwick, 1981]. Ключевой проблемный вопрос здесь заключается в определении того, что является удовольствием.

В утилитаризме предпочтений моральность поступка определяется тем, удовлетворяются предпочтения личности или нет. Последователи данного учения сталкиваются с серьезными возражениями, основанными на том, что не выработано четких критериев выбора предпочтений разных людей в ситуации конфликта. Интересную проблему представляет и выбор между общей полезностью классического утилитаризма (максимизация блага для максимального числа людей [Бентам, 1998]) и средней полезностью (*average utility*) [Rawls, 1999].

«Слабым местом» консеквенциалистских теорий является вопрос о том, за чей счет можно максимизировать благо для максимального числа людей, то есть вопрос о допустимости пожертвования одним ради многих (например, будет ли морально правильным для хирурга изъять органы у одного здорового человека, который пришел сдавать анализы, чтобы пересадить их пяти другим пациентам, которые без пересадки не выживут) [Thomson, 1976: 206]. Некоторые консеквенциалистские учения обосновывают необходимость самопожертвования или, как минимум, изменения индивидуальных практик ради максимизации общей полезности (см., например, [Singer, 1993]). Впрочем, в большинстве случаев сторонникам консеквенциализма удается обойти подобного рода «искушения», в том числе с опорой на здравый смысл и разделяемые большинством моральные интуиции.

Консеквенциалистские убеждения, в отличие от деонтологических, ориентированы в большей степени не на мотивы и намерения, а на результаты и последствия поступка. Таким образом, сторонники консеквенциализма различают (1) правила, которыми следует и не следует руководствоваться, и (2) действия, которые являются результативными или нерезультативными.

Консеквенциалистская стратегия нацелена на получение лично и социально значимого блага, которое может быть оценено самим моральным субъектом и другими людьми в категориях полезности, правильности, целесообразности. Ее идеалом становится человек-результат, оценивающий полезность других людей, допускающий возможность риска, ущерба, вреда, если это позволяет получить очевидный социально полезный эффект.

Контрактарианизм основывается на том, что источником нормативности морали выступает соглашение между людьми. «Мораль по соглашению» [Gauthier, 1986] создается рациональными индивидами (делибераторами), способными принимать обдуманное, взвешенное, ответственные решения. Одним из ключевых положений контрактарианизма является принцип взаимности, предполагающий наличие у членов общества не только прав, но и взаимных обязательств. Следование нормам морали в контрактарианистском сознании предстает не только как необходимость, связанная с членством в том или ином обществе, но и как выгодная позиция, позволяющая получать определенные социальные бонусы. На получении таких бонусов и повышении уровня социального доверия и взаимной ответственности строится, например, система социального кредита в КНР².

Проблемный аспект контрактарианистских концепций связан с характеристиками договора. Если нормы морали — результат конкретных исторических договоренностей, то нормы, принятые предками, ограничивают свободу потомков, которые не принимали участие в договоре [Hume, 1987; Hampton, 1993; Pateman, Mills, 2007]. Если же мораль является результатом гипотетического соглашения, то как оно будет обеспечивать ее нормативность?

Главный аргумент сторонников контрактарианизма в том, что для рационального человека выгодно быть моральным. Действуя справедливо, можно с наибольшей вероятностью добиться реализации своих индивидуальных предпочтений. Дэвид Готье пишет об этом следующим образом: «Каждому должна быть предоставлена возможность получить от общества то, чего он ищет, но не может добиться самостоятельно, и каждый должен дать обществу что-то из того, чего ищет другие, но чего не было бы без него» [Gauthier, 1997: 148].

Контрактарианистская стратегия основывается на том, что моральные убеждения и нормы формируются исходя из публичного диалога, из принципов согласия, солидарности, доверия. Модификация убеждений происходит на уровне публичного дискурса, предметом которого могут быть и возможные, и одобряемые жизненные стратегии. Чем ближе публичное дискурсивное пространство к идеальной речевой ситуации [Хабермас, 2001], тем большие преимущества имеет контрактарианистская стратегия.

Таким образом, контрактарианистские учения ориентируют своих последователей на осознание личной выгоды от соблюдения норм морали и совершения справедливых поступков, а также на достижение компромиссов и умение договариваться в сложных конфликтных ситуациях (см., например, принцип минимальной относительной уступки Д. Готье [Gauthier, 1986]). Результатом действия контрактарианистской теории на практике является *человек-договор*.

Деонтология, консеквенциализм и контрактарианизм — это стратегии, которые учат, как поступать правильно, но существуют и другие, ориентирующие человека на то, кем хорошо быть. Одна из них может быть описана, например, при помощи этики добродетели, однако в данном исследовании мы не обращались к этой теории, поскольку она практически не проверяема в рамках социального иссле-

² Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014—2020). *China Copyright and Media*. 2015. April 25. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020> (дата обращения: 24.06.2020).

дования — отсутствуют устойчивые индикаторы отнесения к данной стратегии, а в массовом сознании слабо актуализированы слова-маркеры, характеризующие ее (такие как добродетель, порок, фронезис, делиберация и др.). В связи с этим нами была выбрана экзистенциалистская стратегия, и, соответственно, экзистенциальная этика для ее описания. Тем более что, как отмечает Э. Дюркгейм, «свойство самой человеческой деятельности — развиваться вне всякой меры и ставить недостижимые цели» [Дюркгейм, 2018: 260]. Для экзистенциализма характерны слова-маркеры, которые актуализированы в сознании современной молодежи: свобода, смысл жизни, творчество, существование, одиночество, страх, мужество, самоопределение и др.

Представители разных направлений экзистенциализма — религиозного (С. Кьеркегор [Кьеркегор, 2010], Ф. М. Достоевский [Достоевский, 1981, 1990], Н. А. Бердяев [Бердяев, 1993], М. Бубер [Бубер, 1999] и др.) и нерелигиозного (Ж.-П. Сартр [Сартр, 1989, 2001], А. Камю [Камю, 1990], С. де Бовуар [де Бовуар, 1997] и др.) — сходятся в особом понимании человека как существа, осознающего свою уникальность и неповторимость своего бытия. Но если человек уникален и неповторим, как он подчиняется универсальным моральным нормам? Ключевым понятием в экзистенциальной этике является свобода в целом и свобода выбора в частности. В некоторых контекстах это может быть и свобода личности от общества.

Экзистенциалистская стратегия предполагает глубокую рефлексию, изучение себя, нацеленность на саморазвитие и совершенствование, которое может пониматься в различных контекстах — эгоизм, социальная полезность, религиозный перфекционизм. Человек, принимающий то или иное этически значимое решение, может опираться только на свое индивидуальное *cogito* (на свой разум), притом что сами эти решения простираются далеко за пределы него самого и потенциально охватывают все человечество [Сартр, 1989]. Данная стратегия может быть изменчивой в том случае, если ценностно-нормативные убеждения перестают соответствовать «самости» личности, ограничивают ее свободу творчества и не позволяют сохранить аутентичность.

Она также выражается в признании личной ответственности за совершаемые поступки, которые не могут быть предопределены извне; в борьбе за личную свободу (совести, мысли и выбора); в постоянном поиске смысла жизни, стремлении к его достижению. Ориентация на осмысленное существование здесь и сейчас способствует развитию независимости или, как минимум, стремлению к независимости от внешних оценок. Данная стратегия коррелирует со степенью атомизации общества: чем больше индивиды независимы друг от друга и от общества в целом, тем более востребованной становится экзистенциалистская стратегия.

Человек с экзистенциальными убеждениями — это *человек-проект*, который реализует себя в динамично меняющихся условиях и обстоятельствах. Для него соблюдение моральных норм важно не потому, что это долг или моральный закон; и не потому, что он заключил с другими соглашение о содержании норм; и даже не потому, что следование морали приносит пользу самому моральному субъекту и обществу. Он каждый раз осуществляет свободный выбор, потому что для него быть собой гораздо важнее, чем быть моральным. Для такого человека

стратегически важно оставаться создателем самого себя, выводить себя на сцену и полагать себя этой сценой [Рикёр, 1995].

Экзистенциалист обречен быть свободным [Сартр, 1989], поэтому он парадоксальным образом зависим от того, как его воспринимают окружающие. Иногда ради соответствия желаемому образу допускается самообман. Впрочем, общество и общественная мораль подвергаются в экзистенциализме серьезной критике. Так, Николай Бердяев был категорически против подмены добра обществом, поскольку «... это есть самая чудовищная форма идолотворения» [Бердяев, 1993: 36]. Таким образом, экзистенциалистская стратегия характеризуется свободой, в том числе от моральных норм и оценок, транслируемых обществом. Но эта свобода предполагает обязательное наступление ответственности за каждый моральный выбор, поэтому люди с экзистенциалистскими убеждениями характеризуются независимостью, творческой свободой, стремлением к постоянному самосовершенствованию и определенным типом мужества, который Пауль Тиллих называет «мужеством быть» [Tillich, 1952].

Этические учения не являются продуктом исключительно теоретической деятельности философов. Это результат наблюдения, саморефлексии, изучения текстов и их герменевтического анализа. Следовательно, можно предположить, что этические учения отражают моральные убеждения личности, причем такие убеждения, которые влияют на повседневные практики и реализацию жизненных стратегий.

Материалы и методы исследования

В рамках эмпирического исследования был проведен опрос студентов четырех высших учебных заведений Республики Мордовия — Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, Саранского кооперативного института Российского университета кооперации и Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции. Их выбор опосредован тем, что полученные результаты репрезентуют мордовское студенчество в целом, а также позволяют проанализировать влияние различных образовательных траекторий на жизненные стратегии.

Опрос проведен по интерактивной анкете, которая была сгенерирована и размещена на площадке онлайн-сервиса Google Forms. Преимущества подобного способа получения информации заключаются в его дешевизне и оперативности, при этом инструментарий референтен условиям, привычным и удобным для респондентов. По нашему мнению, это позволяет повысить достоверность результатов исследования, в том числе посредством технического контроля за предотвращением пропусков при ответах на вопросы.

Выборка не является случайной, однако для обеспечения минимизации ее ошибки анкетирование проводилось во время аудиторных занятий под контролем преподавателей в предварительно отобранных группах студентов (гнездовой принцип). Сбор данных осуществлялся с 11 по 26 апреля 2019 г. Первоначально в обследовании приняли участие 1642 человека. После процедуры нормирования выборки пропорционально численности обучающихся в той или иной организа-

ции, которая потребовалась ввиду различной степени посещаемости студентами аудиторных занятий, где проводилось анкетирование, посредством формирования случайных подвыборок для каждой из них количество результативных ответов сократилось до 767. В том случае, если бы отбор респондентов производился с полным соблюдением вероятностных процедур, ошибка выборки не превышала бы 4%. Распределение социально-демографических характеристик итоговой выборочной совокупности представлено в таблице 1.

Таблица 1. Социально-демографическая структура выборки, %

Вуз	МГУ им. Н. П. Огарева	62,2
	МГПИ им. М. Е. Евсевьева	21,1
	СКИ РУК	9,5
	Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ	7,2
Пол	Мужчины	29,5
	Женщины	70,5
Место проживания до поступления в вуз	Город	64,8
	Село	35,2
Национальность	Русские	73,8
	Мордва	19,6
	Татары	3,3
	Другие национальности	3,4
Религия	Верующие	64,5
	Неверующие	18,3
	Неопределившиеся	17,2

Нами была сформирована первоначальная гипотеза о том, что каждая из выделенных нами жизненных стратегий — деонтологическая, контрактарианистская, консеквенциалистская и экзистенциалистская — в том или ином виде находит свое отражение в повседневных практиках людей и может быть выявлена через соответствующие репрезентации. При этом мы учитывали, что их существование в рафинированном виде не более вероятно, чем существование «чистых» темпераментов.

Соответственно, в зависимости от той или иной жизненной стратегии в инструментарий исследования были включены различные наборы бинарных переменных, выбор которых относил респондентов к соответствующим моральным убеждениям и социальным практикам через призму восприятия ценностей патриотизма, семьи, волонтерства, высшего образования и т. д., в том числе посредством моделирования различных проблемных ситуаций. В дополнение к этому

были использованы слова-маркеры: для деонтологической стратегии — «должен», «обязан» и их производные; для консенквенциалистской — «польза», «результат»; для контрактарианистской — «договор», «доверие»; для экзистенциалистской — «независимость», «самосовершенствование». Поскольку каждая из стратегий имеет свою специфику и, соответственно, разную степень лояльности к ней со стороны ее носителей, мы постарались учесть максимально возможное количество индикаторов. Таким образом, деонтологическая ориентированность определялась 16 логически взаимосвязанными показателями, контрактарианистская — 13, консенквенциалистская — 14, экзистенциалистская — 13. Первоначально каждый из них выражал согласие или несогласие со следующими телеологическими суждениями (см. табл. 2).

Таблица 2. **Индикативные признаки жизненных стратегий, положенные в основу инструментария**

Жизненные стратегии и соответствующие ей суждения	
Деонтологическая	<p>П.1. Каждый человек должен быть патриотом своей страны, П. 2. В чрезвычайной ситуации человек должен помочь тем, кто слабее, П. 3. Хороший человек — это человек, который добросовестно выполняет свои обязанности, П. 4. Хороший человек — справедливый и ответственный, П. 5. Я являюсь волонтером потому, что это мой долг, П. 6. Я получаю высшее образование потому, что это мой долг перед родителями, П. 7. Сегодня для меня самое важное — быть хорошим человеком, П. 8. Сегодня для меня самое важное — быть патриотом своей страны, П. 9. Сегодня для меня самое важное — всегда поступать правильно, П. 10. Совершая поступок, я, прежде всего, думаю о том, ради чего я это делаю, П. 11. Меня (мои поступки) вправе оценивать только Бог, П. 12. Любый человек должен создать семью, П. 13. В ситуации, когда я должен выбрать между тем, чтобы помочь родителям или провести время с друзьями, я останусь дома и, конечно, помогу родителям, П. 14. Мои убеждения основываются на моем долге перед собой и другими, П. 15. При обсуждении проблемных вопросов я чаще всего руководствуюсь соображениями долга, П. 16. В ситуации конфликта я чаще всего отстаиваю свою позицию, несмотря ни на что.</p>
Контрактарианистская	<p>П.1. В чрезвычайной ситуации человек должен помочь тому, кому сможет, П. 2. Хороший человек — это поступающий согласно установленным ранее договоренностям, П. 3. Я являюсь волонтером потому, что это модно и общепринято, П. 4. Я являюсь волонтером потому, что это делает общество стабильным и комфортным для его членов, П. 5. Я получаю высшее образование потому, что это возможность иметь определенный социальный статус, П. 6. Сегодня для меня самое важное — быть известным и успешным, П. 7. Сегодня для меня самое важное — быть авторитетным для других, П. 8. Оценивать поступки можно только тогда, когда есть система правил, о соблюдении которых мы договорились, П. 9. Нужно договариваться с другими людьми о том, что способно принести пользу большинству, даже вопреки собственным интересам, П. 10. В ситуации, когда я должен выбрать между тем, чтобы помочь родителям или провести время с друзьями, я попробую договориться и успеть все, П. 11. Мои убеждения основываются на обязательствах перед другими, П. 12. При обсуждении проблемных вопросов, я чаще всего стараюсь прийти к общему мнению, которое будет разделять большинство, П. 13. В любом конфликте можно всегда договориться.</p>

Жизненные стратегии и соответствующие ей суждения	
Консеквенциалистская	<p>П. 1. В чрезвычайной ситуации человек должен помочь тому, от кого больше пользы, П. 2. Хороший человек — успешный, способный добиться хороших результатов, П. 3. Я являюсь волонтером потому, что так я могу быть полезным людям, П. 4. Я получаю высшее образование потому, что хочу быть хорошим специалистом, П. 5. Я получаю высшее образование потому, что без этого невозможно сделать хорошую карьеру, П. 6. Сегодня для меня самое важное — быть полезным людям, П. 7. Сегодня для меня самое важное — уметь договариваться с другими, П. 8. Сегодня для меня самое важное — быть высококлассным специалистом, П. 9. Любой поступок нужно оценивать по его результату, П. 10. Я представляю свое будущее без семьи и детей, если это принесет пользу большинству, П. 11. В ситуации, когда я должен выбрать между тем, чтобы помочь родителям или провести время с друзьями, я пойду туда, где, как я считаю, от меня больше пользы, П. 12. Мои убеждения основываются на желании принести пользу, П. 13. При обсуждении проблемных вопросов я чаще всего выбираю такой вариант решения, который приведет к наилучшему результату, П. 14. В ситуации конфликта я чаще всего предпочитаю уступить и не конфликтовать.</p>
Экзистенциалистская	<p>П. 1. В чрезвычайной ситуации человек должен отдавать себе отчет в том, что он делает и почему, П. 2. Хороший человек — свободный, независимый от чужого мнения, П. 3. Я являюсь волонтером потому, что это делает меня настоящим человеком, П. 4. Я получаю высшее образование потому, что мне это важно для саморазвития и самоопределения, П. 5. Сегодня для меня самое важное — быть в гармонии с самим собой, П. 6. Сегодня для меня самое важное — стремиться к самосовершенствованию, П. 7. Меня (мои поступки) никто не имеет права оценивать, П. 8. Невозможно правильно оценить Другого человека, П. 9. Я представляю себе будущее без семьи и детей, поскольку не могу принять на себя ответственность за других людей, П. 10. В ситуации, когда я должен выбрать между тем, чтобы помочь родителям или провести время с друзьями, я думаю о том, что не буду ставить детей перед таким выбором, когда стану родителем, П. 11. Мои убеждения основываются на моем личном свободном выборе, П. 12. При обсуждении проблемных вопросов моя точка зрения всегда верна, П. 13. В ситуации конфликта я на словах соглашусь, но потом сделаю по-своему.</p>

Результаты и их обсуждение

Для проверки гипотезы потребовалось выявление статистической взаимосвязи показателей, свидетельствующих о наличии или отсутствии в представлениях респондентов той или иной жизненной стратегии. В качестве наиболее адекватного аналитического инструмента был использован факторный анализ методом главных компонент с вращением варимакс, примененный ко всему массиву полученных данных.

Были отобраны четыре фактора, которые в совокупности объясняют 17,2% суммарной дисперсии. В каждой группе выделены переменные с наиболее высокими факторными нагрузками ($> [0,40]$)³. Несмотря на не самую большую суммарную

³ Нами использован более низкий, чем принято, уровень факторных нагрузок, поскольку стандарт в 0,70 является высоким для нашего конкретного случая; результаты исследований других авторов дают возможность полагать о приемлемости выделенных нами уровней значимости, которые использованы сугубо для анализа дихотомических ответов (см.: [Raubenheimer, 2004: 62; Norman, Streiner, 1994: 139]).

дисперсию, в целом факторный анализ показал, что выбор тех или иных суждений не случаен: вполне очевидно, что он происходит под влиянием определенных моральных убеждений (см. табл. 3).

Таблица 3. **Распределение суждений респондентов в отношении факторов**

Суждения	Факторы (компоненты)			
	1	2	3	4
Мои убеждения основываются на моем личном свободном выборе	-0,553			
Я считаю, что каждый человек должен быть патриотом своей страны	0,526			
Я считаю, что каждый человек должен создать семью	0,433			
Меня не привлекает волонтерская деятельность	-0,422			
В ситуации, когда я должен выбрать между тем, чтобы помочь родителям или провести время с друзьями, я попробую договориться и успеть все	-0,422			
Я являюсь волонтером потому, что так я могу быть полезным людям	0,421			
Я получаю высшее образование потому, что хочу быть хорошим специалистом	0,419			
Мои убеждения основываются на моем долге перед собой и другими	0,410			
Сегодня для меня самое важное — быть хорошим человеком	0,408			
В ситуации конфликта я считаю, что всегда можно договориться		-0,647		
В ситуации конфликта я отстаиваю свою позицию, несмотря ни на что		0,536		
При обсуждении проблемных вопросов я считаю, что моя точка зрения всегда верна		0,401		
При обсуждении проблемных вопросов я выбираю такой вариант решения, который приведет к наилучшему результату			-0,790	
При обсуждении проблемных вопросов я чаще всего стараюсь прийти к общему мнению, которое будет разделять большинство			0,694	
В ситуации, когда я должен выбрать между тем, чтобы помочь родителям или провести время с друзьями, я останусь дома и, конечно, помогу родителям			-0,426	
Я считаю, что хороший человек — это справедливый и ответственный				-0,647
В чрезвычайной ситуации человек должен отдавать себе отчет в том, что он делает и почему				0,535
В чрезвычайной ситуации человек должен помочь тому, кому сможет				-0,527
Хороший человек — это человек, который добросовестно выполняет свои обязанности				0,410

Интерпретация первого фактора. Респонденты ориентированы на традиционные ценности, зависимы от мнения общества. Их приоритеты — долг и возможность принести пользу. Можно предположить, что они являются «проводниками» морали. Тяготеют к деонтологической стратегии. Это может быть обусловлено тем, что религиозная традиция, советские мировоззренческие паттерны, современная идеологическая установка, например, о приоритетности ценности патриотизма, нацеливают на формирование убеждений, основанных на понятиях «долг», «должностничество», «ответственность», «обязанность».

Интерпретация второго фактора. Люди, которые не терпят компромиссов и считают, что их точка зрения всегда верна. По всей видимости, имеют сформированную и укорененную систему ценностей, которую трудно поменять даже при аргументированном споре, а на первый план выходит собственное эго. В системе выделенных нами ранее на теоретическом уровне жизненных стратегий ориентация на подобного рода ценности не рассматривалась, поэтому нами введена дополнительная поведенческая модель — эгоцентрическая. Она имеет формальные сходства с экзистенциалистской, однако содержательно экзистенциализм отличается от эгоцентризма ориентацией на саморазвитие и самосовершенствование, ответственность, творчество, тревогу, мужество.

Интерпретация третьего фактора. Характеризуются как высококонформные респонденты, для которых мнение большинства важнее результативности. Можно говорить о повышенном уровне лабильности данной группы. Наиболее точно ее описывает контрактарианистская модель. Выражение контрактарианистской стратегии в повседневных практиках студенчества может быть связано не только с убеждениями, но и с таким объективным фактором, как открытость публичного пространства и простота доступа к различным типам коммуникаций. Это способствует формированию навыков участия в публичных диалогах, в том числе посвященных ценностно-нормативным проблемам современности, или «мегалогам» [Etzioni, 2002]. Таким образом, контрактарианистская стратегия проявляется в современных практиках социализации личности. В развитом виде эта стратегия характеризует личность как субъекта с высоким социальным интеллектом, способного внести свой вклад в ценностно-нормативное развитие общества, желающего и имеющего возможность влиять на него, хотя бы в некоторой степени.

Интерпретация четвертого фактора. Респонденты в данной группе тяготеют к саморефлексии. Вполне возможно, что переносят это и на других. Их можно описать как функционалов, которые не разделяют популистских взглядов о справедливости и долге. Как правило, сконцентрированы на решении текущих задач. В большей степени соответствуют консеквенциалистской поведенческой модели с элементами экзистенциалистской.

Можно предположить, что появление в анализируемых факторах элементов экзистенциалистской стратегии связано с возрастом респондентов, их активным поиском жизненных приоритетов и смыслов. Консеквенциалистская стратегия идентифицируется, но не является четко выраженной в силу ряда причин. Во-первых, это может быть связано с особенностями ментальности, где общее благо не возглавляет иерархию ценностей и не является главной целью существования. Во-вторых, причиной может быть и отсутствие в сознании респондентов ори-

ентации на стратегические и общественно значимые цели, запланированные к реализации в будущем. Возможно, поэтому в российском обществе возникают проблемы с внедрением проектного подхода, в рамках которого необходимо осуществлять корреляцию между целью и результатом, что невозможно без четкой постановки целей и формулирования задач. В-третьих, в публичном дискурсе наиболее четко артикулированы деонтологическая (ориентация на следование долгу) и экзистенциалистская (ориентация на саморазвитие) стратегии, а сам формат публичного дискурса отражает сущность контрактарианистской стратегии (способность и необходимость договариваться). Наконец, в настоящее время не наблюдается четких стратегических установок со стороны агентов влияния, в том числе государства.

В соответствии с четырьмя отобранными факторами в массиве данных нами были сгенерированы четыре новые переменные: (1) деонтологическая стратегия; (2) эгоцентрическая стратегия; (3) контрактарианистская стратегия; (4) консеквенциалистская стратегия. Для предотвращения потерь данных в группах за основу были взяты только те значения факторов, которые по модулю превышают 0,5. На основании построенных переменных мы определили доли ядерных и периферийных сторонников той или иной жизненной стратегии (см. табл. 4). Под ядерными сторонниками мы понимаем тех, кто выбирает строго выделенные при факторном анализе переменные, характерные для определенной жизненной стратегии, при этом их выбор взаимоисключает друг друга; периферийные сторонники — это те, кто выбирает переменные, характерные для определенной жизненной стратегии, однако к ним добавляются переменные, которые могут в определенной степени объяснять другие жизненные стратегии.

Таблица 4. Распределение жизненных стратегий на основе факторного анализа, %

Жизненные стратегии	Группа респондентов	
	Ядро	Периферия
Деонтологическая	8,3	20,8
Эгоцентрическая	3,9	17,5
Контрактарианистская	4,3	23,5
Консеквенциалистская	6,6	22,6
Нет четкой стратегии	76,8	26,9

Частотное распределение ответов респондентов указывает на то, что социально-демографические факторы имеют определенное влияние на выбор той или иной жизненной стратегии в ядерных группах. В частности, деонтологической чаще, чем в среднем по выборке, придерживаются верующие, девушки, жители сёл и студенты Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ; эгоцентрической — неверующие; контрактарианистской — городские жители, студенты МГУ им. Н. П. Огарева или СКИ РУК и неопределившиеся с верой или неверующие;

консеквенциалистской — студенты МГУ им. Н. П. Огарева, русские, городские жители, неверующие или неопределившиеся с верой (см. табл. 5).

Таблица 5. Социально-демографические характеристики ядерных сторонников выделенных жизненных стратегий, %

Характеристики		Все опрошенные	Жизненные стратегии			
			1	2	3	4
Вуз	МГУ им. Н. П. Огарева	62,2	53,1	65,1	66,7	85,7
	МГПИ им. М. Е. Евсевьева	21,1	21,9	20,6	12,1	8,9
	СКИ РУК	9,5	10,9	6,3	15,2	1,8
	Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ	9,5	14,1	7,9	6,1	3,6
Пол	Мужчины	29,5	25,0	27,0	33,3	30,4
	Женщины	70,5	75,0	73,0	66,7	69,6
Место проживания до поступления в вуз	Город	64,8	57,8	61,9	81,8	76,8
	Село	35,2	42,2	38,1	18,2	23,2
Национальность	Русские	73,8	62,5	71,4	75,8	80,4
	Мордва	19,6	21,9	20,6	9,1	12,5
	Татары	3,3	6,3	1,6	3,0	3,6
	Другие национальности	3,4	9,4	6,3	12,1	3,6
Религия	Верующие	64,5	78,1	58,7	48,5	35,7
	Неверующие	18,3	4,7	27,0	24,2	41,1
	Неопределившиеся	17,2	17,2	14,3	27,3	23,2

Смысловые характеристики также определяют выбор той или иной жизненной стратегии, составляя ее вариативную часть. Чаще, чем в среднем по выборке, ядерные сторонники деонтологической стратегии проявляют ответственность за результат своих действий, заявляют о необходимости выработки системы правил оценки действий других, стремятся быть хорошими людьми и специалистами и включены в коллективные практики волонтерства, поскольку считают, что так они могут быть полезны обществу; сторонники эгоцентрической модели выбирают повышение статусных шансов за счет получения высшего образования, невключенность в коллективные практики волонтерства, пребывание в гармонии с самим собой; контрактарианистской — карьерный мотив при получении высшего образования, невключенность в коллективные практики волонтерства, пребывание в гармонии с самим собой и декларируемая невозможность оценивания других людей; консеквенциалистской — статусная ориентированность при получении высшего образования, невключенность в коллективные практики

волонтерства, пребывание в гармонии с самим собой и декларируемая невозможность оценивания других людей (см. табл. 6).

Таблица 6. **Некоторые смысловые характеристики ядерных сторонников выделенных жизненных стратегий, %**

Характеристики		Все опрошенные	Жизненные стратегии			
			1	2	3	4
Отношение к волонтерству	Я являюсь волонтером потому, что так я могу быть полезным обществу	34,7	50,0	27,0	24,2	26,8
	Я являюсь волонтером потому, что это мой долг	1,3	1,6	1,6	—	—
	Я являюсь волонтером потому, что это модно и общепринято	1,7	4,7	1,6	—	1,8
	Я являюсь волонтером потому, что это делает общество стабильным и комфортным для его членов	7,3	10,9	7,9	—	1,8
	Я являюсь волонтером потому, что это делает меня настоящим человеком	7,0	4,7	7,9	9,1	1,8
	Меня не привлекает волонтерская деятельность	43,0	26,6	50,8	57,6	62,5
Отношение к высшему образованию	Я получаю высшее образование потому, что хочу быть хорошим специалистом	34,0	40,6	28,6	24,2	28,6
	Я получаю высшее образование потому, что это мой долг перед родителями	4,0	—	7,9	3,0	3,6
	Я получаю высшее образование потому, что без этого невозможно сделать хорошую карьеру	21,6	21,9	19,0	36,4	17,9
	Я получаю высшее образование потому, что это возможность иметь определенный социальный статус	12,4	14,1	17,5	15,2	16,1
	Я получаю высшее образование потому, что мне это важно для саморазвития и самоопределения	26,7	23,4	25,4	21,2	33,9

Характеристики		Все опро- шенные	Жизненные стратегии			
			1	2	3	4
Отношение к поступку	Любой поступок нуж- но оценивать по его результату	49,4	59,4	38,1	39,4	44,6
	Совершая поступок, я, прежде всего, думаю о том, ради чего я это делаю	82,8	87,5	76,2	66,7	85,7
	Меня (мои поступки) никто не имеет права оценивать	16,7	7,8	17,5	6,1	10,7
	Меня (мои поступки) вправе оценивать только Бог	12,5	14,1	19,0	3,0	3,6
	Невозможно правиль- но оценить Другого человека	37,3	37,5	34,9	48,5	48,2
	Оценивать поступки можно только тогда, когда есть система пра- вил, о соблюдении ко- торых мы договорились	29,7	32,8	22,2	36,4	35,7
Жизненные приоритеты	Быть известным и успешным	4,6	4,7	4,8	3,0	1,8
	Быть хорошим человеком	24,4	35,9	23,8	12,1	21,4
	Быть авторитетным для других	1,2	1,6	0,0	0,0	0,0
	Быть патриотом своей страны	0,5	0,0	1,6	0,0	0,0
	Быть полезным людям	4,7	7,8	3,2	6,1	1,8
	Всегда поступать правильно	3,9	1,6	4,8	6,1	0,0
	Уметь договариваться с другими	2,5	1,6	1,6	3,0	3,6
	Быть в гармонии с са- мим собой	21,5	9,4	27,0	27,3	26,8
	Быть высококлассным специалистом	5,5	9,4	3,2	3,0	5,4
	Стремиться к самосо- вершенствованию	31,3	28,1	30,2	39,4	39,3

Ограничения исследования

Проведенное нами исследование не лишено недостатков и спорных моментов. Первый из них — концентрация внимания на доминирующих этико-философских учениях, которые являются наиболее проверяемыми в рамках массового опроса студенческой молодежи. Например, этика добродетели и, соответственно, вытекающие из нее концепты вынесены за скобки, поскольку набор социологических

индикаторов, отражающих принадлежность к ней, не может являться в достаточной степени убедительным и достоверным.

Другой недостаток — невозможность установления искренности в ответах респондентов. Это проблема практически всех социальных исследований (см., например, [Мягков, 2003; Кожевникова, Кулагина, 2008]), но в этических вопросах она проявляется наиболее остро. Поэтому, несмотря на соблюдение процедур по обеспечению анонимности заполнения анкет, не исключено, что некоторые из проходящих анкетирование молодых людей осознанно или нет стремились приблизить себя к индивидуальному и/или социальному нравственному идеалу. Неслучайно для наших сограждан в целом большую актуальность имеют ценности самосохранения, а не самовыражения (см., например, [Инглхарт, Вельцель, 2011]).

Еще один «тонкий» момент исследования видится в том, что далеко не всегда индикаторы четко описывают ту или иную жизненную стратегию. Более того, результаты факторного анализа позволили увидеть, как экзистенциалистская стратегия трансформировалась в эгоцентрическую, мало или практически не коррелирующую с анализируемыми этико-философскими учениями, поскольку здесь молодые люди свое личное мнение ставят превыше целей саморазвития.

Наконец, последнее замечание касается достаточно малого суммарного процента дисперсии, который, однако, по нашему мнению, указывает не на неправильность выбранного инструментария, а на разрозненность этических кодов и ситуативность их переключения в современном посттрадиционном обществе. Тем не менее необходимо помнить, что полученные данные не могут быть использованы в качестве истины в последней инстанции; требуется проведение еще ряда исследований, проверяющих адекватность отобранных в результате факторного анализа индикаторов, свидетельствующих о ценностно-нормативных установках респондентов.

Выводы

Проведенный нами анализ реализации этических принципов в жизненных стратегиях молодежи позволяет сформулировать ряд важных выводов.

- На основе анализа этико-философской литературы можно выделить несколько жизненных стратегий, ориентированных на ключевую ценность, которые объединяют учения различных авторов и могут быть проверены на практике: деонтологическая, консеквенциалистская, контрактарианистская и экзистенциалистская. Первая ориентирована на долг, вторая — на результат, третья — на договор; четвертая — на саморазвитие и самосовершенствование.
- Жизненные стратегии формируются и воспроизводятся в сознании личности, а воплощаются в определенных поведенческих моделях, которые включают в себя не только конкретные практики, но и нравственную оценку поступков и моральные убеждения респондентов. Несмотря на то, что декларируемые этические ориентации не гарантируют совершения тех или иных действий, возможно проанализировать отношение к ним как к нормативным или ненормативным и получить верифицируемые результаты.
- Результаты практического исследования свидетельствуют о высоком уровне атомизации молодежи (что неудивительно при схожих тенденциях в со-

временном российском посттрадиционном обществе в целом⁴), который способствует ситуативной и/или несистематической реализации различных моральных убеждений, что может быть объяснено тенденциями клиповизации сознания и фрагментарного усвоения этико-нормативных кодов. Поэтому выделенные поведенческие модели необходимо рассматривать в качестве «идеальных типов», которых в рафинированном виде придерживается относительно малый процент опрошенных респондентов.

- Проверка каждой из выделенных жизненных стратегий показала, что на практике реализуются только деонтологическая, консеквенциалистская и контрактарианистская поведенческие модели. Экзистенциалистская трансформируется в эгоцентрическую, поскольку ключевая ценность саморазвития и самосовершенствования смещается в сторону неприятия (порой довольно агрессивного) мнений других людей, неспособности поддерживать идею общего блага и поступать так, чтобы содействовать его приросту, даже если это требует отказа от тех или иных индивидуальных благ.
- Наиболее востребована деонтологическая жизненная стратегия, которая реализуется среди молодых людей, ориентированных на традиционалистские ценности, при этом их приоритетами являются долг и возможность принести пользу, благо другим людям. Это подтверждается и другими исследовательскими данными: молодежь демонстрирует высокий уровень социальной ответственности, думая не только о себе, но и о судьбе страны [Радаев, 2019: 163—164], а также являясь своего рода стейкхолдерами различных социальных активностей [Седова, 2019: 15—16], к которым относятся практики волонтерства [Богомолова и др., 2017: 86], экоактивизма [Гегер, Гегер, 2018: 71], протестной вовлеченности [Ушкин, 2017: 128] и т. д.
- Другой достаточно часто встречающейся жизненной стратегией выступает консеквенциалистская. Придерживающиеся ее респонденты тяготеют к саморефлексии, сконцентрированы, как правило, на решении текущих задач и/или получении прагматических результатов и устойчивы к популистским манипуляциям. По большому счету, она противопоставляется деонтологической стратегии, ориентируя молодых людей не столько на общее, сколько на персональное благо, выраженное в соответствующих категориях инструментальных ценностей (доход, здоровье, целедостижение, свобода и т. д.) [Коваль, Ушкин, 2018: 144].
- Реже встречаются представители контрактарианистской и эгоцентрической стратегий. Первая включает в себя тех, кто наиболее конформен, лабилен, открыт для обсуждения, в том числе собственных моральных убеждений, и ориентирован на участие в публичных дискурсах по ценностно-нормативным вопросам. Вторая объединяет студентов со стойкими убеждениями, практически не подверженных колебаниям, при этом существенное место в структуре личностных убеждений занимает собственное эго.

⁴ Как отмечают по этому поводу специалисты ВЦИОМ, россияне сегодня «сами, на индивидуальной основе строят свои жизненные стратегии, где господствуют ценности массового потребления, основательно разряжены семейные традиции, катастрофически низок уровень общественной солидарности и самоорганизации; это тот случай, когда автостереотип, представления общества о самом себе, резко противоречит реальному состоянию общественной морали и правосознания, фиксируемым объективными инструментами» [Бызов, 2018: 124].

Вместо заключения

Полученные результаты и выводы могут быть использованы для восполнения некоторых лакун, образовавшихся на стыке социологии и этики, связанных с практической реализацией этических принципов в повседневной жизни. Кроме того, изучение корреляций между моральными убеждениями и поведенческими ориентациями респондентов может быть полезно в разработке и реализации стратегии воспитания молодежи, системе образования, управлении государственной молодежной политикой.

Поскольку преобладает доля ядерных сторонников деонтологической жизненной стратегии, можно предположить, что поддержка государством традиционных ценностей и провозглашение стратегических целей с опорой на традиции (как, например, в ст. 67.1, которой предлагается дополнить Конституцию Российской Федерации⁵), найдет положительный отклик в молодежной среде (правда, при условии, если не будет фактов фальсификации общероссийского голосования и случаев принуждения к участию в нем, подрывающих представления человека-долга о честности и справедливости).

Высокий уровень фрагментированности сторонников той или иной жизненной стратегии, ситуативности ее выбора требует сосредоточить последующие исследовательские усилия не столько на дальнейшей типологизации моделей, сколько на поиске механизмов переключения между ними и сопутствующих этому факторов. Понимание особенностей перехода людей из одного режима в другой, рассмотрение различных компромиссных форм, как мы надеемся, позволит выявить более тесные взаимосвязи между этическими принципами и их реализацией в повседневной жизни, а также поможет снизить степень атомизации общества и обособленности индивидов, которые отчетливо фиксируются в результатах нашего исследования.

Список литературы (References)

Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / пер. с англ. С. Кастальского, Н. Рудницкой. М.: Европа, 2008.

Arendt H. (2008) Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. Moscow: Evropa. (In Russ.)

Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства / пер. с англ. Б. Г. Капустина М.: РОССПЭН, 1998.

Bentham J. (1998) An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993.

Berdyayev N. A. (1993) The Destiny of Man. Moscow: Respublika. (In Russ.)

де Бовуар С. Второй пол / пер. с фр. С. Г. Айвазовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
de Beauvoir S. (1997) Le Deuxième Sexe. Moscow: Progress; Saint Petersburg: Aletheia. (In Russ.)

⁵ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Богомолова Е. В., Галицкая Е. Г., Кот Ю. А., Петренко Е. С. Повседневность россиян: Гражданские и потребительские практики // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 180—197.

Bogomolova E. V., Galitskaya E. G., Kot Yu. A., Petrenko E. S. (2017) Everyday Life of Russians: Civil and Consumer Practices. *Universe of Russia*. Vol. 26. No. 1. P. 180—197. (In Russ.)

Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости : Очерки социологии градов / пер. с фр. О. В. Ковеновой. М. : Новое литературное обозрение, 2013. Boltanski L., Thévenot L. (2013) *De la Justification: Les Économies de la Grandeur*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Брейкин О. В. Становление нравственного идеала в культурах Древнего мира. Саранск : Издательство Мордовского университета, 1996.

Breikin O. V. (1996) *Formation of the Moral Ideal in the Cultures of the Ancient World*. Saransk: Mordovia University Publishing House. (In Russ.)

Бубер М. Два образа веры / пер. с нем. М. И. Левиной, С. В. Лёзова, И. И. Маханькова, А. Ю. Миронова, В. В. Рынкевича, Ю. С. Терентьева. М. : АСТ, 1999.

Buber M. (1999) *Zwei Glaubensweisen*. Moscow: AST. (In Russ.)

Бызов Л. Г. Идеиные рубежи «посткрымского консенсуса» // Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016—2018 гг. и перспективы политического транзита / под ред. В. В. Федорова. М. : ВЦИОМ, 2018. С. 105—150.

Byzov L. G. (2018) The Ideological Frontiers of the 'Post-Crimean Consensus'. In: Fedorov V. V. (ed.) *The Elections on the Backdrop of the Crimea: Electoral Cycle 2016—2018 and the Prospects of Political Transit*. Moscow: Russian Public Opinion Research Centre — VCIOM. P. 105—150. (In Russ.)

Гегер А. Э., Гегер С. А. Факторы эоактивизма в России // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 65—76.

Geger A. E., Geger S. A. (2018) Factors of Ecoactivism. *St. Petersburg Sociology Today*. No. 10. P. 65—76. (In Russ.)

Горшков М. К. Российская молодежь: К истории и роли в современном обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 4. С. 16—25. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.1>.

Gorshkov M. K. (2019) Russian Youth: To the History and Role in Modern Society. *Humanities of the South of Russia*. Vol. 8. No. 4. P. 16—25. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.1>. (In Russ.)

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М. : Современник, 1981.

Dostoevsky F. M. (1981) *The Brothers Karamazov*. Moscow: Sovremennik. (In Russ.)

Достоевский Ф. М. Бесы. М. : Художественная литература, 1990.

Dostoevsky F. M. (1990) *Demons*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.)

Дюркгейм Э. Самоубийство / пер. с фр. А. Н. Ильинского. М. : АСТ, 2018.

Durkheim É. (2018) *Suicide*. Moscow: AST. (In Russ.)

Зубок Ю. А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 42—51.

Zubok Yu. A. (2003) Youth Social Development Issues under Risk Conditions. *Sociological Studies*. No. 2. P. 42—51. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2019) Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 10. No. 4. P. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>. (In Russ.)

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2011.

Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe Izdatelstvo. (In Russ.)

Камю А. Бунтующий человек. Философия, политика, искусство / пер. с фр. И. Я. Волевича, Ю. М. Денисова, А. М. Руткевича, Ю. Н. Стефанова. М.: Политиздат, 1990.

Camus A. (1990) *L'Homme Révolté*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. VIII.

Kant I. (1994) *Collected Works: in 8 vols*. Moscow: CHORO Publishing House. Vol. VIII. (In Russ.)

Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4 (1).

Kant I. (1965) *Collected Works: in 6 vols*. Moscow: Mysl. Vol. 4 (1). (In Russ.)

Коваль Е. А., Ушкин С. Г. Пути России в будущее: Готово ли наше общество стать «хорошим»? // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 136—145. <https://doi.org/10.7868/S0132162518020149>.

Koval E. A., Ushkin S. G. (2018) Russia's Paths in the Future: Is Our Society Ready to Become a "Good Society"? *Sociological Studies*. No. 2. P. 136—145. <https://doi.org/10.7868/S0132162518020149>. (In Russ.)

Кожевникова О. В., Кулагина Е. А. Искренность в ответах респондентов о политических предпочтениях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2008. № 2. С. 38—44.

Kozhevnikova O. V., Kulagina E. A. (2008) Sincerity in Respondents' Answers about Political Preferences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 38—44. (In Russ.)

Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н. В. Исаевой. М.: Культурная революция, 2010.

Kierkegaard S. (2010) *Frygt og Bæven*. Moscow: Kulturnaya Revolutsiya. (In Russ.)

Легостаева Н. И. Жизненные стратегии «дневной» и «ночной» молодежи Санкт-Петербурга // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2013. № 2. С. 92—98.

Legostaeva N. I. (2013) Life Strategies of 'Daytime' and 'Nighttime' Youth of Saint Petersburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 92—98. (In Russ.)

Магун В. С. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи: 1985—1995 годы // Социологический журнал. 1996. № 3—4. С. 29—48.

Magun V. S. (1996) Revolution of Aspirations and Changes of Life Strategies of the Youth: 1985—1995. *Sociological Journal*. No. 3—4. P. 29—48. (In Russ.)

Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

Macintyre A. (2000) *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Moscow: Akademicheskiy Proekt; Yekaterinburg: Delovaya Kniga. (In Russ.)

Мягков А. Ю. Экспериментальные стратегии диагностики и измерения искренности респондентов // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 115—125.

Myagkov A. Yu. (2003) Experimental Strategies for Diagnosing and Measuring Respondents' Sincerity. *Sociological Studies*. No. 2. P. 115—125. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>.

Omelchenko E. L. (2019) Is the Russian Case of the Transformation of Youth Cultural Practices Unique? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>. (In Russ.)

Полутин С. В. Молодежь в системе социального воспроизводства: Социологический анализ. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2000.

Polutin S. V. (2000) *Youth in the System of Social Reproduction: A Sociological Analysis*. Saransk: Mordovia University Publishing House. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Radaev V. V. (2019) *Millennials: How the Russian Society Changes*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И. Вдовиной. М.: МЕДИУМ, 1995.

Ricoeur P. (1995) *Le Conflit des Interpretations. Essais d'Herméneutique*. Moscow: MEDIUM. (In Russ.)

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / пер. с фр. А. А. Санина // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319—344.

Sartre J.-P. (1989) *L'existentialisme est un Humanisme*. In: *Twilight of the Gods*. Moscow: Politizdat. P. 319—344. (In Russ.)

Сартр Ж.-П. Тошнота / пер. с фр. Ю. Я. Яхниной. СПб.: Кристалл, 2001.

Sartre J.-P. (2001) *La Nausée*. Saint Petersburg: Kristall. (In Russ.)

Седова Н. Н. Самодостаточность и активизм в мировоззренческих установках россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4. С. 9—25. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6796>.

Sedova N. N. (2019) Activism in the Worldview of Russians. *Sociological Science and Social Practice*. No. 4. P. 9—25. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6796>. (In Russ.)

Ушкин С. Г. Протесты и протестующие провинциального города: Как к ним относится население? // Власть. 2017. Т. 25. № 11. С. 123—129.

Ushkin S. G. (2017) Attitude of the Population to the Protests in the Provincial City. *The Authority*. Vol. 25. No. 11. P. 123—129. (In Russ.)

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С. В. Шачина. СПб. : Наука, 2001.

Habermas J. (2001) *Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Шарова Е. Н., Недосека Е. В. Жизненные стратегии молодежи Мурманской области: Социологический анализ основных измерений // Вестник МГТУ. 2014. Т. 17. № 4. С. 802—811.

Sharova E. N., Nedoseka E. V. (2014) Life Strategies of the Murmansk Region Youth: Sociological Analysis of the Basic Measurement. *Vestnik of MSTU*. 2014. Vol. 17. № 4. P. 802—811. (In Russ.)

Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995.

Shchedrovitsky G. P. (1995) *Selected Works*. Moscow: School of Cultural Policy. (In Russ.)

Etzioni A. (2002) The Good Society. *Seattle Journal of Social Justice*. Vol. 1. No. 1. P. 83—96.

Gauthier D. (1986) *Morals by Agreement*. Oxford: Oxford University Press.

Gauthier D. (1997) Political Contractarianism. *Journal of Political Philosophy*. Vol. 5. No. 2. P. 132—148. <https://doi.org/10.1111/1467-9760.00027>.

Hampton J. (1993) Feminist Contractarianism. In: Antony L., Witt Ch. (eds.) *A Mind of One's Own: Feminist Essays on Reason and Objectivity*. Boulder, CO: Westview Press. P. 227—256.

Hume D. (1987) Of the Original Contract. In: Miller E. F. (ed.) *Essays, Moral, Political, and Literary*. Indianapolis, IN: Liberty Classics. P. 465—487.

Korsgaard C. M. (1996) *The Sources of Normativity: The Tanner Lectures on Human Values Delivered at Clare Hall, Cambridge University*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511554476>.

Mill J. S. (1979) *Utilitarianism*. Indianapolis, IN; Cambridge, MA: Hackett Publishing Company.

Norman G. R., Streiner D. L. (1994) *Biostatistics: The Bare Essentials*. Saint Louis, MO: Mosby.

Pateman C., Mills Ch. W. (2007) *Contract and Domination*. Cambridge: Polity Press.

Raubenheimer J. E. (2004) An Item Selection Procedure to Maximize Scale Reliability and Validity. *South African Journal of Industrial Psychology*. Vol. 30. No. 4. P. 59—64. <https://doi.org/10.4102/sajip.v30i4.168>.

Rawls J. (1999) *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Sidgwick H. (1981) *The Methods of Ethics*. Indianapolis, IN; Cambridge, MA: Hackett Publishing Company.

Singer P. (1993) *Practical Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Thomson J. J. (1976) Killing, Letting Die, and the Trolley Problem. *The Monist*. Vol. 59. No. 2. P. 204—217. <https://doi.org/10.5840/monist197659224>.

Tillich P. (1952) *The Courage to Be*. New Haven, CT: Yale University Press.